

Тартуский университет
Отделение славистики

ACTA SLAVICA ESTONICA XVI

Slavica Tartuensia XII

Тарту в истории славянской
филологии

Вып. 1

Tartu in the History of
Slavic Philology

Issue 1

UNIVERSITY OF TARTU

Press

Acta Slavica Estonica XVI. Slavica Tartuensia, XII. Тарту в истории славянской филологии. Вып. 1. Tartu in the History of Slavic Philology. Issue 1. Составление: Отделение славистики Тартуского университета. Ответственный редактор Екатерина Вельмезова, Тарту, 2023. 192 с.

Международная редколлегия серии "Acta Slavica Estonica":

И. Абисогомян (Эстония), Д. Бетеа (США), А. Дуличенко (Эстония),
Л. Киселева (Эстония), Е.-К. Костанди (Эстония), И. Кюльмоя (Эстония),
А. Лавров (Россия), М. Мозер (Австрия), В. Мокиенко (Россия),
А. Мустайоки (Финляндия), Т. Степанищева (Эстония), В. Храковский (Россия)

Международная редколлегия подсерии "Slavica Tartuensia":

И. Абисогомян (Эстония), А. Дуличенко (Эстония),
М. Мозер (Австрия), В. Мокиенко (Россия)

Все статьи и публикации настоящего тома прошли предварительное рецензирование.
All manuscripts were peer reviewed.

Ответственный редактор и технический редактор: Е. Вельмезова
Managing editor and technical editor: E. Velmezova

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Издательского совета Тартуского университета.*

*This publication was made possible by the financial support
of the Publishing Board of the University of Tartu.*

© Статьи: авторы, 2023

© Составление: Отделение славистики Тартуского университета, 2023

ISSN 2228-2335 (print)

ISBN 978-9916-27-227-5 (print)

ISSN 2228-3404 (pdf)

ISBN 978-9916-27-228-2 (pdf)

Tartu Ülikooli Kirjastus / University of Tartu Press

www.tyk.ee

ДЕРПТ — ЮРЬЕВ, ДЕКАБРЬ 1902 ГОДА: «Я НЕ ЯЗЫКОВОЙ ФАНАТИК». ТАРТУСКАЯ РЕЧЬ ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ¹

СЕБАСТЬЯН МОРЭ

В этой статье мы контекстуализируем и комментируем короткую речь, произнесенную Иваном Александровичем Бодуэном де Куртенэ в декабре 1902 года в Тарту на церемонии празднования 100-летия университета. В этой речи, напоминающей о том, что И. А. Бодуэн де Куртенэ был не только лингвистом, но и прогрессивным мыслителем, он призывал соблюдать равные права всех языков региона: русского, немецкого, эстонского и латышского.

Ключевые слова: Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ, Тартуский университет, политические идеи, равноправие языков, лингвистика и идеология.

Sébastien Moret. Dorpat–Yuryev, December 1902: “I Am Not a Language Fanatic”. The Tartu speech of Jan Baudouin de Courtenay

In this article I aim to contextualize and comment on a short speech that Jan Baudouin de Courtenay gave in December 1902 in Tartu, on the 100th anniversary ceremony of the city’s university. In this speech, which reminds us that J. Baudouin de Courtenay was not only a linguist, but also a progressive thinker, he called for the same rights and the equality of treatment for all the languages of the region — Russian, German, Estonian and Latvian.

Keywords: Jan Baudouin de Courtenay, University of Tartu, political ideas, language equality, linguistics and ideology.

В середине декабря 1902 года в Тарту состоялось мероприятие, посвященное сотой годовщине существования городского университета². На праздновании присутствовали четыре делегата Петербургского университета (по одному от каждого факультета). Филологический факультет представлял

¹ Автор статьи благодарит Дарью Залесскую (Лозаннский университет) за работу над русским языком этого текста, значительно улучшившую его качество.

² Университет существовал в Тарту с 1632 года, но после присоединения региона к Российской империи в 1721 году по Ништадскому мирному договору в 1802 году был учрежден Императорский Дерптский университет. Это «новое» основание праздновали в 1902 году. Об истории Тартуского университета см., например: [Espagne 2014: 32–57].

языковед Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845–1929) [Бодуэн де Куртенэ 1916: 266]. 13 (26) декабря 1902 года городом был дан обед для всех приезжих и местных властей. На этом праздничном обеде Бодуэн де Куртенэ «произнес замечательную речь, посвященную главным образом защите идеи равноправия языков» [Смирнов 1959: 3]. Именно этой малоизвестной гартуской речи и посвящена данная статья

Биография и библиография И. А. Бодуэна де Куртенэ полны событий (в том числе иногда и анекдотичных) и трудов, которые напоминают, что он был не только «крупным специалистом по общему и индоевропейскому, в особенности славянскому, сравнительному языкознанию», но и «прогрессивным мыслителем» [Шарадзенидзе 1980: 4], у которого были «твердая вера в права человека и социальную справедливость» [Stankiewicz 1972: 10] и «постоянный интерес к национальному вопросу» [Григорьев 1960: 57] и к политике. Кроме того, он был и «свободомыслящим человеком [freethinker]» [Rothstein 1982: 57], который «вел непрерывную борьбу с религиозной и национальной нетерпимостью» [Rothstein 1992: 315]. Например, в Петербурге, на заседании университета 20 октября 1909 года он выступил «в защиту вольнослушательниц университета, которым администрация неожиданно запретила посещение лекций» [Мещерский (ред.) 1971: 85]. Следует также упомянуть, что в конце 1905 года, в рамках революционных событий того года в России, Бодуэн стал председателем Союза автономистов-федералистов, который впервые заседал в Петербурге в ноябре и стремился превратить Российскую империю в федерацию [Томан 1991: 49]. Среди его «политических» трудов можно отметить *Проект основных положений для решения польского вопроса* [Бодуэн де Куртенэ 1906], «Украинский вопрос» с вненациональной точки зрения [Бодуэн де Куртенэ 1913b], «Дерпт-Юрьев (К вопросу о “равноправии”» [Бодуэн де Куртенэ 1916] (о которой речь пойдет ниже) и *Национальный и территориальный признак в автономии* [Бодуэн де Куртенэ 1913a]. Интересно отметить, что его интерес к политике и правам народов также часто выражался и в его текстах по языкознанию (см., например: [Томан 1991: 48–49], как, например, в статье о международном языке:

Тем не менее ни язык Эсперанто, ни какой-либо другой в этом роде мне вовсе не дорог. И вообще ни один язык в мире мне не дорог и не имеет в моих глазах никаких прав. Не тот или другой язык мне дорог, а мне дорого право говорить и учить на этом языке. Мне дорого право человека оставаться при своем языке, выбирать его себе, право не подвергаться отчуждению от всесторонней употребляемости собственного языка, право людей свободно самоопределяться и группироваться, тоже на основании языка [Бодуэн де Куртенэ 1908 (1963: 145)].

Не раз было так, что «его приверженность социальным и политическим причинам приводила его к личным трудностям» [Stankiewicz 1972: 10]. Например, Казанский [Di Salvo 1975: 56] и Краковский [Мещерский (ред.) 1971: 64–65] университеты ему пришлось покинуть из-за «различных выходов» [Там же: 64]: проблема была в том, что он часто «честно и открыто отстаивал свою точку зрения, действовал так, как диктовало ему его чувство справедливости» [Там же: 86]. В 1914 году из-за выпуска брошюры *Национальный и территориальный признак в автономии* [Бодуэн де Куртенэ 1913а], «направленной против угнетения малых народов в царской России», «он пробыл три месяца в петербургской тюрьме» [Шарадзенидзе 1980: 4]³. Как написал его коллега-языковед А. А. Шахматов (1864–1920), «во многих других случаях И[ван] А[лександрович] Б[одуэн де Куртенэ] оказался врагом своего собственного благосостояния — и это всегда во имя отвлеченного идеала, высоких нравственных требований» [Мещерский (ред.) 1971: 65].

За двадцать лет до описываемых событий 1902 года, в декабре 1882 года, Бодуэн де Куртенэ «был избран профессором Тартуского университета на вновь открытую кафедру сравнительной грамматики славянских наречий» [Смирнов 1959: 3], где он преподавал и занимался исследованиями в течение десяти лет, с 1883 по 1893 год [Шарадзенидзе 1980: 4]⁴. Работая в Тарту, он развивал, например, «понятие самого языка» [Di Salvo 1975: 56] и «учение о фонеме» [Смирнов 1959: 3]. Но Тарту к тому же был и «очень разнообразной средой» [Di Salvo 1975: 56], где «Бодуэн де Куртенэ прежде всего столкнулся с национальным неравноправием прибалтийских народов» [Смирнов 1959: 3] и с «языковой исключительностью» [Бодуэн де Куртенэ 1916: 267]:

В бытность мою профессором Дерптского (с 1893 г. Юрьевского) университета (1883–1893) меня всегда возмущало презрительное отношение господствующего немецкого элемента к гораздо более многочисленному латышскому и эстонскому населению; возмущало же оно меня не только как нарушение завета справедливости, но тоже как заблуждение, наносившее непоправимый вред и презираемым и, еще в гораздо большей степени, презирателям [Там же: 261].

С русификацией университета в 1893 году ситуация не изменилась, по-прежнему царил «языковая исключительность»; но в 1902 году преобладал уже русский язык:

³ Подробнее об этих событиях см.: [Мещерский (ред.) 1971: 86–88; Томап 1991: 49].

⁴ О пребывании Бодуэна де Куртенэ в Тарту см.: [Смирнов 1959; Di Salvo 1975: 56–62].

Юрьевский университет был в то время уже несколько лет русским университетом. За исключением богословского факультета, сохранившего немецкий язык <...>, преподавание на остальных 4-х факультетах велось по-русски. Не мудрено поэтому, что официальная [sic] часть торжества в актовом зале (в течение двух дней, 12 и 13 декабря) происходила на русском языке, и что даже немцы, не вполне владевшие русским языком, должны были им пользоваться, читая и высказывая приветствия от имени местных (т. е. вообще прибалтийских) общественных учреждений [Там же: 266].

Необходимо подчеркнуть, что, по мнению Бодуэна, дело было не в доминировании русского или немецкого языка. Проблематичной была сама идея, согласно которой один язык может превалировать над другими. Исходя из этого объясняется тот факт, что в своей речи Бодуэн назовет город «Дерпт-Юрьев», подчеркивая тем самым, так сказать, двойственную природу города (см. также название статьи: [Бодуэн де Куртенэ 1916], а также данной статьи). На праздничном вечере 13 (26) декабря 1902 года «можно было слышать один только русский язык» [Бодуэн де Куртенэ 1916: 267], и Бодуэну «это показалось несколько обидным для памяти бывшего немецкого дерптского университета, который как-ни-как [sic] оказал известные услуги и русскому государству и международной науке» [Там же: 267–268]; он принял тогда решение выступить по-немецки со следующей речью. Мы приводим здесь сначала немецкий оригинал, а потом русский перевод⁵.

Meine Herren!

Sie werden es mir, als einem früheren Dorpater Professor, wohl nicht übel nehmen, wenn ich mir erlaube, Sie in der *deutschen*⁶ Sprache anzureden. Ich tue es nicht aus dem Grunde, dass ich diese Sprache irgendwie besonders beherrsche. Nein, russisch z. B. würde es mir leichter sein, meine Gedanken genau auszudrücken. Ich tue es auch nicht als besonderer Anhänger des Germanismus. Nach den neuesten Ereignissen in Preussen könnte man das Deutsche beinahe hassen und perhorrescieren, — selbstverständlich, wenn man ein Fanatiker wäre. Zum Glück bemerke ich in mir keine Spur von Fanatismus, und wenn ich etwas wirklich hasse und perhorresciere, das ist gerade der Fanatismus: der religiöse Fanatismus, der nationale Fanatismus und wie er auch sonst heißen mag.

Die jetzt wütende Pest des Nationalismus wird hoffentlich ebenso vergehen, wie mittelalterliche und leider auch spätere Glaubensverfolgungen, und kommende Generationen werden gewiss verstehen, dass es eines denkenden Wesens unwürdig, dass es für den kulturellen, ethischen und ökonomischen Fortschritt höchst störend

⁵ Немецкий оригинал и русский перевод, сделанный Бодуэном де Куртенэ, цитируются по статье: [Бодуэн де Куртенэ 1916: 268–270].

⁶ Курсив в оригинале. — С.М.

ist, seine Kräfte so zu zersplittern und sie in einem solchen unsinnigen Hader zu verlieren, anstatt sie zu sammeln und sich gegenseitig zu stärken und fördern.

Ich bin kein Sprachfanatiker. Als ich in Dorpat Professor war, habe ich russisch und deutsch vorgetragen, und es ist dadurch kein Unglück geschehen. Wie in dem Kopfe eines Einzelnen, so könnten auch in einem Lande mehrere Sprachen ruhig und freundlich neben einander [*sic*] bestehen und sich duldsam vertragen. Hier im Lande sind neben der Reichsprache, neben der Sprache des grossen russischen Reiches, neben der Sprache des grossen russischen Volkes, neben der Sprache der grossen *russischen*⁷ Denker und Dichter noch drei andere Sprachen historisch und ethnographisch gleichberechtigt: die *deutsche*⁸ Sprache, nicht die deutsche Sprache der Verfolger und Unterdrücker, sondern die deutsche Sprache der Gelehrten und Künstler, und ausserdem die *estnische*⁹ und *lettische*¹⁰ Sprache.

In dem Sinne einer solchen absoluten Duldsamkeit und Gleichberechtigung begrüsse ich die alte Stadt Dorpat-Jurjew und spreche den Wunsch aus, sie möge immer mehr kulturell gedeihen, und zwar in einem friedlichen Zusammenleben mit der höchsten wissenschaftlichen Institution des Landes.

Милостивые Государи!

Вы, конечно, не станете с меня взыскивать, если я, как прежний дерптский профессор, позволю себя обратиться к вам с речью на *немецком* языке. Я делаю это не потому, что я как-то особенно хорошо владею этим языком. Нет, по-русски, например, мне было бы легче выражать свои мысли с полной точностью. Я не делаю тоже этого, как особенный приверженец германизма. После новейших событий в Пруссии можно бы все немецкое чуть ли не ненавидеть и отворачиваться от него с омерзением, — само собою разумеется, если бы мы были фанатиками. К счастью, я не замечаю в себе ни следа фанатизма, и если я что-либо действительно ненавижу, если я к чему-либо чувствую действительно отвращение, так это именно к фанатизму: к религиозному фанатизму, к национальному фанатизму и вообще ко всякому фанатизму.

Бушующая тепер язва национализма минует — смею надеяться — точно так же, как и средневековые и увы! тоже более поздние гонения за веру; и будущие поколения поймут несомненно, что раздроблять так свои силы и растрчивать их в стол бессмысленной [*sic*] сваре, — вместо того, чтобы их собирать и взаимно друг друга поддерживать и помогать друг другу, — недостойно мыслящего существа и в высшей степени губительно для культурного, этического и экономического прогресса.

⁷ Курсив в оригинале. — С.М.

⁸ Курсив в оригинале. — С.М.

⁹ Курсив в оригинале. — С.М.

¹⁰ Курсив в оригинале. — С.М.

Я не языковой фанатик. Когда я был в Дерпте профессором, я преподавал по-русски и по-немецки, и однакоже [sic] от этого не произошло никакого несчастья. Как в голове одного человека, точно так же в любой стране могло бы несколько языков уживаться рядом спокойно и дружно и относиться друг к другу с полной терпимостью. В здешнем крае, рядом с государственным языком, рядом с языком великого русского государства, рядом с языком великих русских мыслителей и поэтов, должны бы, по историческим и этнографическим соображениям, пользоваться полной равноправностью еще три следующих языка: язык немецкий, не немецкий язык гонителей и притеснителей, но немецкий язык ученых и художников, да кроме того языки эстонский и латышский.

Во имя такой безусловной терпимости и равноправия я приветствую старинный город Дерпт-Юрьев и высказываю пожелание процветать ему культурно все более и более, в мирном единении и согласии с высшим научным учреждением этого края [Там же].

В 1916 году Бодуэн сам написал о том, как восприняли его выступление:

Эффект моей речи получился совсем неожиданный. Не только меня не оштрафовали, но, напротив того, отнеслись сочувственно и одобрительно. Присутствовавшее на банкете высшее начальство разных ведомств благосклонно улыбалось и оказалось снисходительным. Люди же университетские и городские ответили на мою речь громкими аплодисментами и другими проявлениями добрых чувств. У многих я заметил слезы на глазах; многие пожимали мне руки, обнимались со мною, отзывались о моей речи с признанием и даже с восторгом. И заметьте, что эти дружелюбные проявления исходили тоже от горячих приверженцев централизма и отрицателей национального равноправия. И их глаза покрылись влагой, и они пожимали мне руки, и они от всей души ко мне присоединялись.

Успех своей речи я приписываю неожиданности своего выступления. При том же во время банкетов люди становятся мягче и доступнее любвеобилию и междучеловеческому братству. Тогда-то легче всего аплодировать провозглашаемым лозунгам: «*liberté, égalité, fraternité*»¹¹. Это ведь в сущности ни к чему не обязывает. Можно прослезиться и умилиться в ответ на возвышенные речи, но затем, перейдя к обычной деятельности, неукоснительно сжимать в бараний рог [Там же: 270–271].

В чем-то Бодуэн был прав, о чем свидетельствуют обстоятельства, связанные с публикацией текста его речи. Он «мог напечатать свою речь без всяких изменений лишь в местной немецкой газете “Nordlivländische Zeitung”, № 283,

¹¹ «свобода, равенство, братство». На французском языке и курсивом эти слова приводятся в оригинале. — С.М.

от 18 (31) декабря» [Там же: 271]. В других случаях текст был либо отклонен, либо из него были вырезаны фрагменты:

Мои петербургские (ныне петроградские) знакомые просили меня дать им русский перевод моей речи, для помещения его в одной из тогдашних «прогрессивных» газет; но со стороны газет получался отказ. Очевидно, они не сочувствовали моему отношению к правам отдельных национальностей.

Я мог поместить польский перевод своей речи в издававшемся в Петербурге (ныне Петрограде) польском еженедельнике «Kraj», в виде приложения к корреспонденции, посвященной описанию торжества Юрьевского, прежде дерптского [sic] университета. Но и здесь не удалось напечатать мою речь целиком. По независящим от автора и от редакции обстоятельствам были устранены всякие упоминания о «равноправии», как об «историческом и этнографическом равноправии», так и о «равноправии» без прибавок [Там же: 271–272].

Русский перевод этой речи был помещен в 1916 году в вышедший в Москве сборник *Этны и Латыши, их история и быт*, для которого Бодуэн де Куртенэ написал статью «Дерпт-Юрьев (К вопросу о “равноправии”» [Бодуэн де Куртенэ 1916].

В коротком некрологе, опубликованном в 1930 году в *Revue des études slaves* («Журнал славянских исследований») после смерти Бодуэна французский лингвист Антуан Мейе (1866–1936) создал несколько мрачный портрет Бодуэна как человека (а не как ученого, который, по мнению Мейе, принимал участие в «великом обновлении лингвистики» [*grand renouvellement de la linguistique*]), подчеркивая «что-то беспокойное» [*quelque chose d'inquiet*] и «печаль[ное]» [*tristesse*] [Meillet 1930: 174–175], как будто охватившее Бодуэна. Как написал Мейе, Бодуэн был странствующим человеком, без какого-либо родного языка, без настоящей родины, без настоящих национальных ориентиров:

Дальний потомок семьи французских эмигрантов, он родился в Польше, под Варшавой; он был профессором в России и Польше, не обосновавшись окончательно ни в одной стране; его манера говорить была неуклюжей, не очень образной; кажется, что он никогда не прибегает к родному языку. <... > [Он был] человеком, исполненным праведности и доброй воли, который имел несчастье не принадлежать ни к одной стране и никогда не находил [для себя] идеального баланса [Meillet 1930: 174–175]¹².

¹² «Descendant — lointain — d'une famille française émigrée, il est né en Pologne, près de Varsovie; il a été professeur en Russie et en Pologne, sans se fixer définitivement ni dans l'un ni dans l'autre pays; sa manière de s'exprimer était gauche, peu idiomatique; on dirait que jamais il ne se sert d'une langue maternelle. <... > [C'était] un homme plein de droiture et de bonne volonté qui a eu le malheur de n'appartenir tout à fait à aucun pays et qui n'a jamais trouvé un équilibre parfait».

Можно задаться вопросом: не оценивалось ли Бодуэном скорее положительно то, что Мейе посчитал источником страдания для этого ученого? В 1905 году, перед съездом Союза автонимистов-федералистов Бодуэн выбрал для себя «национальную нейтральность» [Baudouin de Courtenay 1906: 22]: «Лично я нахожусь в удачном положении <...>. Я давно утратил все национальные и религиозные предрассудки и, принадлежа к той презираемой категории людей *sans foi et sans nationalité*¹³, не делаю никаких различий между национальностями и другими социальными группами и отношусь ко всем совершенно одинаково и беспристрастно» [Там же: 10].

Национальность была для Бодуэна «вопросом культуры» [Томан 1991: 51], и он предпочитал порой слову *нация* выражение *человеческий коллектив* [Бодуэн де Куртенэ 1913а: 3].

Литература

Бодуэн де Куртенэ 1906: *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Проект основных положений для решения польского вопроса. СПб., 1906.

Бодуэн де Куртенэ 1908 [1963]: *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Вспомогательный международный язык // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. Т. 2. С. 144–160.

Бодуэн де Куртенэ 1913а: *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Национальный и территориальный признак в автономии. СПб., 1913.

Бодуэн де Куртенэ 1913б: *Бодуэн де Куртенэ И. А.* «Украинский вопрос» с вненациональной точки зрения // Украинская жизнь, 1913, № 7–8. С. 35–51.

Бодуэн де Куртенэ 1916: *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Дерпт-Юрьев (К вопросу о «равноправии») // Эсты и Латыши, их история и быт. М., 1916. С. 260–272.

Григорьев 1960: *Григорьев В. П. И. А.* Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика // И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти). М., 1960. С. 53–66.

Мещерский (ред.) 1971: Русское языкознание в Петербургском — Ленинградском университете / Под ред. Н. А. Мещерского. Л., 1971.

Смирнов 1959: *Смирнов С. В.* Десять лет в Тарту. К 30-летию со дня смерти видного ученого-языковеда И. А. Бодуэна де Куртенэ // Советская Эстония. 4 ноября 1959. № 260 (4961). С. 3.

Шарадзенидзе 1980: *Шарадзенидзе Т. С.* Лингвистическая теория И. А. Бодуэна де Куртенэ и его место в языкознании XIX–XX веков. М., 1980.

Baudouin de Courtenay 1906: *Baudouin de Courtenay J.* Ze zjazdu autonomistów czyli przedstawicieli narodowości nie-rosyjskich. Kraków, 1906.

¹³ «без веры и без национальности». На французском языке и курсивом эти слова приводятся в оригинале. — С.М.

Di Salvo 1975: *Di Salvo M.* Il pensiero linguistico de Jan Baudouin de Courtenay. Lingua nazionale e individuale. Venezia; Padova, 1975.

Espagne 2014: *Espagne M.* L'ambre et le fossile. Transferts germano-russes dans les sciences humaines, XIXe-XXe siècles. Paris, 2014.

Meillet 1930: *Meillet A.* [Nécrologie de J. Baudouin de Courtenay] // *Revue des études slaves*, 1930, № 1–2. P. 174–175.

Rothstein 1982: *Rothstein R. A.* The individual as leitmotiv of Jan Baudouin de Courtenay's work // *Folia Slavica*, 1982, № 1–3. P. 53–63.

Rothstein 1992: *Rothstein R. A.* Baudouin de Courtenay and the Ukrainian question // *Harvard Ukrainian Studies*, 1992, № 3–4. P. 315–323.

Stankiewicz 1972: *Stankiewicz E.* Baudouin de Courtenay: His life and work // *A Baudouin de Courtenay Anthology. The Beginning of Structural Linguistics* / E. Stankiewicz (dir.). Bloomington; London, 1972. P. 3–47.

Toman 1991: *Toman J.* Nationality as choice: Baudouin de Courtenay's individualistic approach // *Cross Currents: A Yearbook of Central European Culture*, 1991, 10. P. 47–56.

